

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

Раб ищет фараона

Священник Сергей Рыбаков — о свободе и выученной беспомощности: «не все должны говорить вслух, но все призваны говорить внутри»

Исход евреев из Египта. Кадр из сериала «Библия», 2013 год

17:35, 31 июля 2025,

Сергей Рыбаков

священник

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Рабство как привычка

Есть путь, который начинается с крика. И заканчивается — голосом. Есть дорога, по которой идут не герои, а уставшие. Не воины, а выжившие. Не святые, а жалкие, перепуганные, но не покорившиеся. Этот путь называется Исход.

Книга Исхода — это не только история об освобождении народа из египетского плена. Это повествование о Человеке, который призван оседлать свободу, о том, как вчерашние рабы обретают ее, научаются и воспитываются быть свободными. Не сразу, не магически, не торжественно, но через боль, недоверие, пустыню и Бога, Который умеет ждать.

Народ Израиля, находящийся в Египте, — рабы не только по социальному статусу. Рабство вошло в плоть, в картину мира, в интонации, в язык, в культуру. Они боятся мечтать, верить. Выученная беспомощность корнями уходит в привычку жить по команде, не включать голову, не задавать вопросов.

В книге «Исход» мы читаем и представляем картину того, как Бог выводит людей из плена (он навсегда будет ассоциироваться с Египтом, и Египет навсегда станет аллегорией плена) — они же, выходя телом, долго не выходят духом.

Это и есть главная трагедия — рабство внутреннее. Оно не уходит за одну ночь. Оно, став глубинным паттерном, укоренилось в реакции на трудности, в тоске по «мясным котлам», в желании снова отдать свободу кому-нибудь — только бы не нести ответственности.

Исход — не миг, а медленный,
последовательный процесс, напоминающий

дефрагментацию жесткого диска, когда все кластеры должны прийти в соответствие.

Освобождение не произошло у Красного моря — там оно только началось. Когда море расступилось, это был чудо-переход, но не точка зрелости. Это скорее рождение, а не возмужание.

Как мы знаем (правда, нередко чисто теоретически), свобода не случается — она воспитывается и взращивается. И потому Бог ведет народ не кратчайшим путем. Он не бросает их сразу в бой, не требует мгновенной зрелости. Он дает пустыню и время. Но еще больше — дает возможность учиться жить по-новому. Именно в условиях лишений и трудностей Бог воспитывает Свой народ, учит людей доверять Ему и следовать Его заповедям. Пустыня становится местом, где формируется новая идентичность народа, основанная на доверии и послушании (слышании и отклике) Богу.

Народ в пустыне капризен. Люди хотят свободы, но такой, где нет болезненной перемены. Где можно жаловаться и роптать, заказывая Небу любимое меню и приятные услуги. Где действует философия жизни и мировосприятие, обратное Божественному Замыслу, который явил Христос в Своей так называемой первосвященнической молитве: «Пусть они будут едины, как Мы Едины, ведь все Твое — Мое, а все Мое — Твое». Рабство выучило людей не только бояться своего рабовладельца, но и стратегии выживания, где «все твоё — моё, а моё — моё».

Фото: Дмитрий Феоктистов / ТАСС

Подлинная свобода — это не «делай, что хочешь», а возможность выбрать то, что не разрушит тебя, не право, не привилегия и уж точно не политический лозунг.

Это внутренняя дисциплина быть собой перед лицом истины. Свобода начинается с пробуждения — с момента, когда человек вдруг замечает, что живет не он, а живут его и за него (то, что в языке получает название страдательного залога).

Мамардашвили называл это жизнью по инерции. И вот выйти из нее — значит пробудиться, бодрствовать, пребывать в творческом жизненном напряжении, начать мыслить. Мыслить же по-настоящему — всегда больно, стыдно, страшно. Но без этого свободы нет.

Свобода — это не состояние, а усилие. Не подарок, а подвиг. Каждый день заново. Она требует мужества различать, где подлинное, а где притворное, где мое, а где внушенное.

И именно потому свобода — не вседозволенность, а строгая, почти аскетическая форма зрелости. Свободен тот, кто способен выбирать и, выбирая, отвечать за выбор, за слово, за себя. Это не легкость, а высшая мера внутренней напряженности. Это не бегство от правил, а зрелое соглашение с правдой.

У евреев времен Исхода на уровне глубинных установок было зашито: главное — не нарушать порядок, выжить — важнее, чем понять; поступай, как велено, не задавай вопросов. Соппротивление в них было живо, но оно было бессознательным, скорее телесным, чем понятийным. Они не восставали, чтобы изменить, они роптали, чтобы быть услышанными. Их сознание еще не знало языка свободы, и потому они говорили на наречии жертвы.

Бог вывел их из Египта, но Египет оставался в них. Не как ностальгия, а как внутренняя схема взаимодействия с реальностью. Они продолжали видеть в жизни угрозу, в изменении — опасность, в ответственности — приговор. Они воспринимали пустыню не как дорогу к свободе, а как неполадку в цепи поставок. Вода стала для них поводом для паники, а не возможностью для молитвы. Манна — не даром, а причиной раздражения. Отсутствие мяса — не постом, а знаком враждебности Бога.

Им было проще верить в Бога-механизм, чем в Бога-Отца. Они еще не умели входить в диалог. Они не знали, что такое слушать. Для них вера — это когда тебя ведут. А если ведут не по прямой — значит, бросили.

Именно поэтому они нуждались не только в чуде, но и в слове. Не только в освобождении, но и в воспитании. Им предстояло

освободиться от трех вещей:

- от инфантильной зависимости, которая требует немедленного удовлетворения и не знает терпения;
- от менталитета подчиненного, привыкшего не рассуждать, а исполнять, не слышать, а бояться;
- и от внутреннего облика жертвы, который прячет свободу за обидой и перекладывает волю на сильного.

Их Бог не ограничивает, а формирует. Он не дает сразу все, чего они просят. Учит ждать, слушать, доверять. Учит принимать Закон не как тюремный устав, а как внутреннюю музыку, в которой рождается образ человека, задуманного Им.

Этот человек — не раб. Он не оглядывается, не завидует, не идет вслед за толпой. Он умеет не только не убить, но и сохранить. Не только не украсть, но и поделить. Не только не желать чужого, но и благодарить за свое.

Свобода — это не момент, а стиль. Не крик, а осознанная тишина. И путь к ней лежит не через обострение воли, а через глубокое согласие на зрелость.

Когда человек принимает не только избавление от фараона, но и приглашение Бога в свое сердце — как Закон, как Отца, как тихого, неуловимого Спутника.

И тогда рабское исчезает. Не сразу, не навсегда, но исчезает. И в человеке начинает проступать тот самый лик, который Бог хранил в Себе с первого дня творения: образ свободного, ответственного, умеющего любить.

Собственно, для этого Бог дает Закон. Не как кнут, а как рамку, в

которой свобода становится плодородной. Подобно фермеру, который не дает зерну расти где угодно, а выстраивает террасы, оросительные каналы, Бог создает структуру, чтобы человек не погиб от собственных иллюзий.

Зрелость — это когда ты больше не хочешь назад.

Одно из самых драматичных мест Исхода — это постоянная тоска скитающихся по пустыне людей по Египту, многократный поворот взгляда назад: «Лучше бы умереть в Египте, у котлов мясных...»

Иринарховский крестный ход в Ярославской области. Фото: Дмитрий Феоктистов / ТАСС

Свобода страшит своей нестабильностью и неопределяемостью

извне неким заводским или лагерным гудком. Египет ясен, предсказуем, а потому подконтролен. Да, там били, унижали, убивали твоих детей, но кормили. Пространство жизни сужено, но оно привычно. Экзистенциальные запросы настолько уменьшены, что человек превращается в точку, в ничтожный объект с функционалом, но зато и нет мук сравнительного анализа и критического мышления.

Свобода же предлагает взять авторство своей жизни в собственные руки, радость от объема, широты и глубины жизни. Наконец, позволяет трансформировать существование в Жизнь с большой буквы. Но на этом не predetermined пути каждый шаг — через больно, через страшно, через сомнения. Здесь не прописаны карты, распорядки дня — они пишутся прямо под твоими ногами.

И Бог терпеливо воспитывает. Даже самой формой передвижения по пустыне (месту, уже пустому от рабства, но еще пустому от свободы), когда движение людей регламентируется движением Бога в виде столпов — огненного и светового. Они должны встать, когда встает Бог. Они должны встать как будто надолго: расставить шатры. Но и двинуться они должны сразу, как двинется Бог, оставляя свои древние «газельки» со скарбом, собирая быстро только насущное. Чтобы не привязываться, чтобы привязанности не поработали. Так Он обучал их доверию, пониманию собственной меры и жизни соразмерной в присутствии Большого и Значимого, расширяя таким образом суженную фараоном экзистенцию, возвращая полноту бытия. Так обучает через послушание родитель своего ребенка. И Он не просто Бог освобождения. Он — Бог, Который остается.

Настоящая свобода — не просто политическая категория, это онтология образа Божия. Бог свободен. И человек, как Его подобие, призван быть не реактивным (живущим по старой формуле «стимул — реакция») объектом, не функцией, не

марионеткой, а творческим Субъектом, со-автором Богу, Личностью. Не человеком, похожим на кого-то. А уникальным, отвечающим, любящим, идущим навстречу.

И освобождает Бог не «от», а «к». Он зовет человека к себе настоящему. Он выводит из Египта, чтобы привести на Синай. Он выводит из рабства, чтобы человек мог сказать: *«Да, я слышу. Да, я согласен. Да, я Твой — и этого хочу я, а не кто-то за меня».*

Говорить внутри

Сегодняшний человек привык считать себя свободным. У него есть выбор, доступ к информации, право голоса, возможность менять страну, профессию, окружение. Он может купить билет, нажать на кнопку, выбрать стиль жизни и ленту в смартфоне. Внешне — полная автономия. Но свобода — не сумма доступных опций. Свобода — это внутреннее состояние человека, способного отвечать за свою жизнь с достоинством и любовью.

Очень часто под внешней свободой скрывается рабская установка, едва ли отличимая от той, что жила в поколении, вышедшем из Египта. Мы не носим клейма, не подчиняемся надсмотрщикам, не строим пирамиды, но многие живут по тем же законам страха, комфорта и избегания.

Мы боимся тишины как пространства встречи с собой — и превращаемся в тишинофобов и шумоголиков. Боимся неопределенности и прячемся в системе. Боимся взять на себя решение и ищем, кто скажет, как правильно.

Мы ищем не истину, а позиции, приемлемые большинством, и подтверждения, что мы не отвергнуты и мы — «свои».

Приносим в жертву собственную глубину на алтаре одобрения сильного.

Внутренний раб не всегда внизу, иногда он носит маску успешного, уверенного, рационального человека. Но за этим фасадом может жить тот же страх, что и в сердце израильтянина в пустыне: *а если воды не будет? а если манна кончится? а если Бог уйдет?*

Тот, кто не освободился изнутри, всегда будет искать мысленного фараона. Он будет цепляться за лидера, за идеологию, за структуру. И когда тот фараон падет, найдет нового. Потому что гораздо страшнее быть свободным, чем быть ведомым.

Так рождается привычка жаловаться, но не менять. Ожидать, но не благодарить. Взывать к справедливости, но не учиться жить с правдой. Так воспроизводится ропот — обернутый в лексику XXI века, но, по сути, тот же древний страх: *а вдруг нас забыли? а вдруг придется жить по-настоящему?*

Из внутреннего Египта не вылететь самолетом. Истинная свобода начинается там, где человек перестает искать внешнюю опору и впервые говорит: *«Я готов отвечать. Я благодарен. Я останусь — и понесу»*. Это и есть момент, когда раб отступает, а в человеке просыпается сын.

Свобода всегда начинается с освобождения. Это первая вспышка. Сбросить ярмо. Выскочить из клетки. Сказать: *«Я не подчиняюсь больше»*. Это свобода «от» — от внешнего натиска, от страха, от зависимости, от лжи.

Фото: Дмитрий Феоктистов / ТАСС

Но, как показывает книга «Исход», свободы «от» недостаточно. Путешествие к обретению собственной человечности начинается с первого шага за «родную околицу», за черту знакомого, уютного, безопасного. Туда, где все другое, необжитое, а порой и откровенно враждебное, пугающее, бросающее вызов. И в этом символическом выходе скрыта суть подлинной свободы: она не просто «от», она всегда — «к».

Архетипичные сюжеты строятся вокруг героя, который выходит из дома не ради исхода, а ради возвращения. Чтобы заново увидеть красоту, глубину, структуру своего. Чтобы не просто узнать, но пере-понять. Заново вкусить то, что в буднях утратило очертания. Он идет не к чужому, а к своему, но иначе осмысленному, через труд, преодоление, обнажение.

Человек, лишенный этой телеологии, может легко спутать свободу с бегством. Он вырывается, но не знает зачем. Он мчится, но не имеет направления. Его путь — не путь, а

бесконечная спираль тревожного движения от одной оболочки к другой. Однако настоящая свобода всегда стремится к Дому. Не в физическом смысле, а в онтологическом: к укорененному присутствию, к месту, где можно взрастить, сберечь, возделывать. Превратить территорию жизни — в пристанище. Лао Цзы некогда сказал: «Знающий людей разумен, а знающий себя самого прозорлив. Побеждающий других силен, а побеждающий самого себя — могуществен... Неуничтожимый после смерти — вечен».

В феноменологии Гуссерль, используя греческую терминологию, называет это движение словом «эпохэ» — остановка, задержка, самообладание. Это момент, когда человек выводит из поля своего восприятия все наносное: чужие мнения, поверхностные оценки, привычные объяснения. Он заключает в скобки шум внешнего, чтобы наконец разглядеть, что же есть в самом центре. Противоположный этому в аскетической традиции — термин «просохэ». Это внимание, направленное «к». Оба слова происходят от одного корня — «двигаться». Но эпохэ — это шаг назад, чтобы ясно видеть. А просохэ — это шаг вперед, чтобы ясно быть.

Именно так устроен путь человека, стремящегося к свободе. Сначала — остановка, чтобы понять, что ты покинул и зачем. Потом — движение «к»: к подлинности, к глубине, к правде.

Из внутреннего Египта нельзя выйти строем в форме буквы Z. Фото: соцсети

Современный человек в России, особенно в последние годы, оказался в положении, где говорить правду стало актом рискованным. Страх перед репрессией, перед судом, перед потерей работы, семьи, жизни — реален. Он проникает не только в речь, но и в тело, в реакции, в молчание. И этот страх понятен и оправдан. И он, как ни странно, сохраняет жизнь — на первом этапе. Это та самая свобода от опасности, которая говорит: «не тронь», «промолчи», «не лезь».

Но есть момент, когда человек, даже защищая себя, начинает терять себя. Он перестает говорить правду даже себе. Он перестает молиться словами, в которые по-настоящему верит. Он улыбается, когда должен скорбеть, и молчит, когда должен свидетельствовать. Он живет не своей речью, не своей интонацией, не своим лицом.

И вот тут возникает настоящая драма: внешне свободный — он становится внутренне рабом. Не режима, а собственного страха, который сковывает и фокусирует внимание на «котлы с мясом» внутреннего Египта.

Не все должны говорить вслух, но все призваны говорить внутри.

Свобода «к» не обязательно означает участие в громких действиях. Она не требует от всех выхода на площадь и не измеряется громкостью слов. Но она неизбежно приводит человека к внутренней ясности: где и на чем я стою, что для меня является правдой, и что я больше не могу называть ложью.

Свобода может быть беззвучной. Но она не бывает бесформенной. Она может молчать — но не лгать. Она может жить внутри — как тихое, но нестигаемое согласие с собой. И если придет время, если Господь откроет слово, оно прозвучит. Не как лозунг, не как обвинение, а как свет. Из глубины. Из любви. Из мира.

Этот материал вышел в девятом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Вернуть себя](#)

О чем священник просит в Новый год

15:35, 30 декабря 2024, Сергей Рыбаков